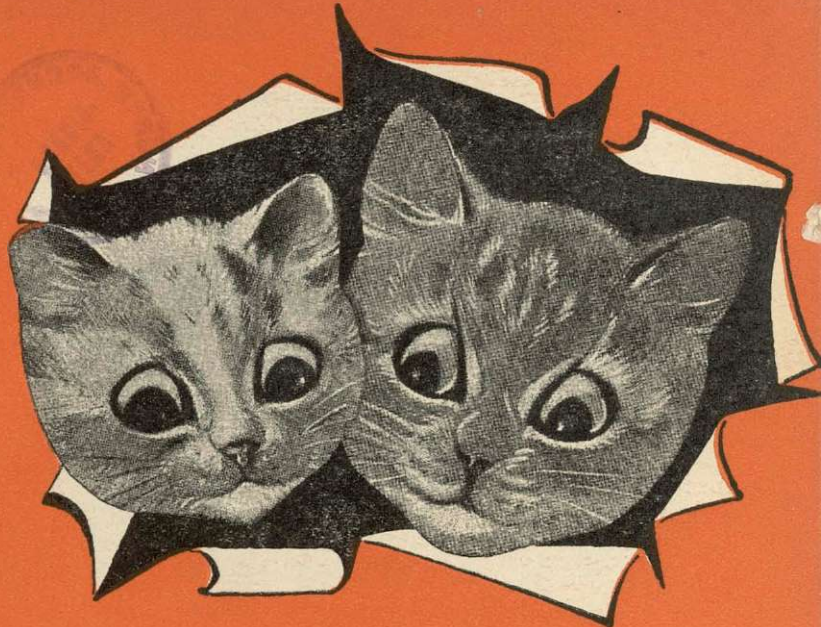

№ 10

МАРТЪ

1908.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНИЕ:

ИСТОРИЯ ОДНОГО ФЛАМИНГ
ПОДРУГИ (повѣсть).

ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ.

ТРИ ЖЕЛАНИЯ

(пьеса для дѣтей).

ВЕСНА.

БАБУШКИНА СКАЗКА.

ШАРАДА, АРИѦМОГРАФЪ,

ЗАДАЧА И ПРОЧ.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Игра въ „двѣнальцать“.

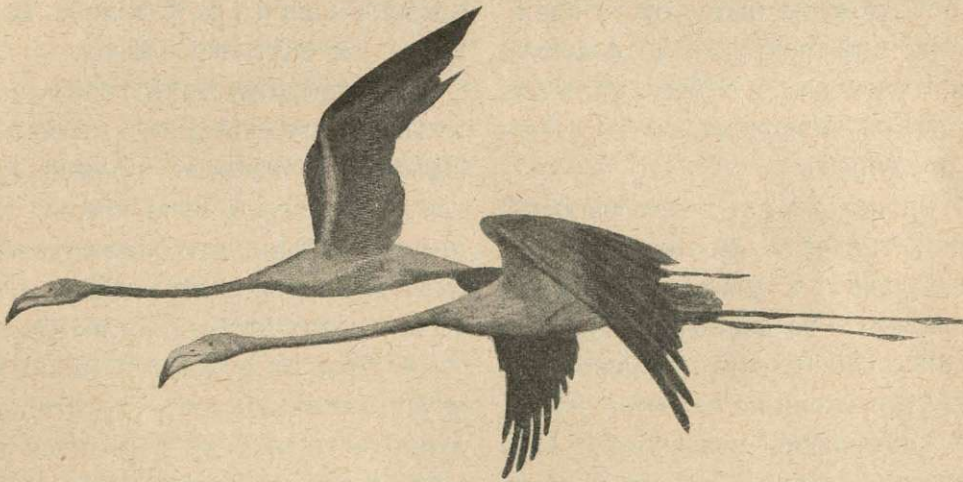
Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ФЛАМИНГО.

Пріятное ощущеніе приближающейся весны взволновало грудь большого молчаливаго лебедя. Ему вдругъ захотѣлось громко закричать, но тотъ низкій голосъ, какимъ онъ разговаривалъ со своими товарищами по неволѣ, не былъ достаточно силенъ для

На озерѣ занырялъ дикій селезень, а всѣ розовые фламинго, за исключеніемъ одного, бросились на берегъ, гдѣ они изогнули крючками свои длинныя шеи, чтобы показать свое негодованіе. Оставшійся фламинго стоялъ на одной ногѣ совершенно невозму-

Фламинго летятъ.

такого случая. Поэтому онъ выпрямился во весь свой ростъ, распростеръ свои огромныя крылья и стрѣлой помчался черезъ все озеро, производя такой шумъ, что бѣлки, находившіяся на нѣкоторомъ разстояніи въ клѣткѣ на открытомъ воздухѣ, бросились на самую верхушку своего дерева, чтобы посмотрѣть оттуда, въ чемъ дѣло.

тимо, и выгнувъ шею, смотрѣлъ въ какую-то точку.

— Такое прекрасное апрѣльское утро, обратился къ нему лебедь,— а ты глупо дремлешь...

— Я думаю, а не дремлю, тихо отвѣтилъ фламинго.

— Напрасная трата времени, сказалъ лебедь.—Когда мнѣ нечего дѣ-

лать, я чищу свои перья, но я никогда не думаю.

Лебедь продолжалъ оглядываться въ восхищеніи.

— Странная ты птица, сказалъ онъ.—Когда я впервые увидаль одного изъ вашей породы, то подумаль, что ваши туловище и голова укрѣплены на ходуляхъ.

— Да, я сложенъ такимъ образомъ для того, чтобы выполнять особое назначеніе, сказалъ фламинго и надулся.

— Ну, ну, отвѣтилъ лебедь,—не сердись. Правда, ты не очень ловокъ на ногахъ, но у тебя гибкая шея и твоя рѣчь должна быть тоже гибкой. Расскажи мнѣ твою исторію. Я люблю слушать рассказы, а у тебя есть я, здѣсь нѣтъ товарища, который бы тебя послушалъ.

— Я происхожу изъ экваторіальной Африки, началъ фламинго, — изъ страны великихъ рѣкъ, гдѣ крокодилы грѣются на солнцѣ и подъ водой живутъ бегемоты, появляющіеся время отъ времени на ея поверхности, чтобы подышать воздухомъ. Моя страна—это страна львовъ и антилопъ, носороговъ и жираффъ. Самыя рѣдкія и странныя существа, которыя содержатся въ звѣринцахъ, мои земляки.

— Какимъ же образомъ ты попалъ сюда?—спросилъ лебедь.—Если тебѣ было такъ хорошо въ Африкѣ, то зачѣмъ же ты покинулъ ее?

— Въ этомъ виноватъ человѣкъ, называющійся охотникомъ, отвѣтилъ

фламинго.—Мы совершали одну изъ нашихъ процессій вдоль берега рѣки, когда онъ напаль на насъ. До тѣхъ поръ мы никогда не видали бѣлаго человѣка и не знали его намѣреній; зато онъ зналъ наши привычки и подкрался къ намъ противъ вѣтра такъ тихо, что мы не замѣтили его. Онъ выстрѣлилъ, одинъ фламинго упаль, другой былъ тяжело раненъ, а я былъ пойманъ раньше, чѣмъ успѣлъ убѣжать. Охотникъ подрѣзалъ мнѣ крылья, вынулъ у меня дробинку изъ крыла и приказаль одному изъ своихъ чернокожихъ слугъ хорошенько кормить меня. Затѣмъ онъ привезъ меня къ себѣ домой, за море, и вотъ я очутился здѣсь...

Фламинго опустилъ голову и всунулъ свой плоскій клювъ въ бассейнъ. Здѣсь онъ набралъ помаленьку кловъ грязи, закинулъ шею кверху съ такими изгибами, что они придавали ей видъ змѣи, и закрылъ клювъ какъ будто для того, чтобы проглотить грязь.

— Это, въ сущности, не по моему вкусу, сказалъ онъ грустно.—Подумайте: тамъ, гдѣ я родился и выросъ, я имѣлъ-бы уже полный кловъ червей, или маленькихъ лягушекъ, или другихъ вкусныхъ вещей, употребивъ на это гораздо меньше труда, чѣмъ сейчасъ!

— Но вѣдь это все равно, сказалъ лебедь,—тебя кормятъ сторожа такъ, что ты не ходишь голоднымъ.

— Нѣтъ, это имѣетъ большое значеніе, продолжалъ фламинго.—Что дѣлаетъ здѣсь жизнь невыносимой?

Что заставляет многихъ быстро умирать здѣсь? Именно то, что ихъ кормятъ только въ опредѣленные часы. Пропадаетъ всякій интересъ къ пищѣ, не приходится ничего разыскивать, не приходится двигаться. Бывали дни, когда на волѣ стая фламинго пролетала цѣлыя мили, разыскивая новыя кормежки. При этомъ появлялся и аппетитъ, происходящій отъ долгихъ движеній. А какія картины встрѣчались намъ! Незнакомые люди, свирѣпыя животныя, непроходимые лѣса и страны, гдѣ царствуютъ звѣри полей, а человѣкъ не имѣетъ совершенно никакого значенія! Ну, чѣмъ вы здѣсь замѣните такую жизнь? Утромъ я стою на одной ногѣ, вечеромъ на другой. Я всовываю голову въ иль, или въ самый дальній конецъ спины, или подъ корень. Я стараюсь выгнуть шею на какой-нибудь новый ладъ и прислушиваюсь къ пустой болтовнѣ моихъ европейскихъ и американскихъ родственниковъ или же людей, которые приходятъ сюда смотреть на насъ. Я отдалъ бы всю пищу, какую получаю въ три дня, только за три часа ходьбы по водѣ, плаванія и летанія въ моей далекой родной странѣ подъ дѣйствительно теплымъ небомъ. Вы безъ сомнѣнія восхищаетесь моими перьями, но я могу васъ увѣрить, что они очень тусклы и грязны въ сравненіи съ тѣми, которыя были у меня въ дни свободы подъ солнцемъ Африки.

— Я никогда не видѣлъ, чтобы ты плавалъ здѣсь, замѣтилъ лебедь.

— Я умѣю плавать такъ же хорошо, какъ и вы, увѣрилъ его фламинго.—Но мнѣ гораздо больше нравится ходить по водѣ. Тогда я могу поворачивать голову въ какомъ угодно направленіи, на примѣръ себѣ подъ ноги.

— А у васъ много враговъ?—спросилъ лебедь.

— Порядочно, отвѣтилъ фламинго,—но мы слишкомъ осторожны. За исключеніемъ очень рѣдкихъ случаевъ, никто не можетъ къ намъ подойти близко, а когда мы мѣняемъ свое лѣтнее опереніе, то выбираемъ такое мѣсто, гдѣ человѣка рѣдко или никогда не увидишь. Мы выбираемъ берега какого-нибудь ручья, который выстаетъ только бегемотамъ или марабу, и живемъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не окрѣпнутъ наши новыя перья.

— А какъ вы выводите птенцовъ? спросилъ лебедь.

— Память объ этомъ для меня дороже всего, отвѣтилъ фламинго.—Для этого удобнѣе всего самое дикое и уединенное мѣсто гдѣ-нибудь въ глухомъ болотѣ. Мы гнѣздимся всѣ вмѣстѣ и другъ подлѣ друга строимъ сотни гнѣздъ. Въ каждомъ гнѣздѣ по два яйца. Да, то были великія времена!

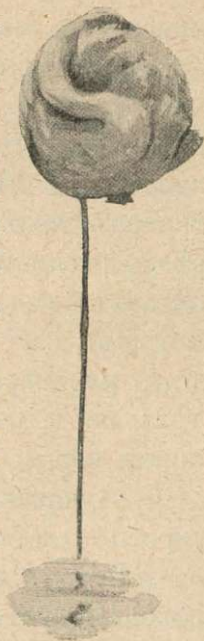
— Расскажи мнѣ о нихъ все, сказалъ лебедь.—Начни сначала.

И въ то время, какъ другіе фламинго съ негодованіемъ разгуливали по лужайкѣ, сгибая свои шеи въ узлы, такъ какъ они чувствовали, что на нихъ не обращаютъ внима-

нія, птица съ экватора рѣзко закричала свойственнымъ фламинго образомъ, потеряла одну изъ своихъ перепончатыхъ ногъ клювомъ и начала опять свою исторію. Дикій селезень тихонько подплылъ, чтобы присоединиться къ слушателямъ, а немного спустя къ маленькой компаніи присоединилась и заблудившаяся дикая утка; кромѣ нихъ никто не интересовался рассказомъ фламинго.

— Какъ только мать вынула меня изъ яйца, началъ фламинго, я всталъ въ гнѣздѣ и осмотрѣлся. Со всѣхъ сторонъ возвышались гнѣзда, похожія на то, въ которомъ находился и я. Они представляли собою небольшія кучки земли и травы, высушенныя солнцемъ. Въ однихъ лежало по два, въ другихъ по одному яйцу, совершенно бѣлому и слегка шероховатому, въ третьихъ — сидѣли малыши фламинго, почти безъ всякихъ перьевъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ щетинокъ внизу, коричневаго цвѣта. Всѣ имѣли прямые клювы; этотъ великолѣпный изгибъ клюва, который вы видите теперъ у меня, и это опереніе розоваго цвѣта являются только въ зрѣломъ возрастѣ.

«Моя мать время отъ времени оста-

Фламинго спитъ,
засунувъ голову
подъ крыло.

вляла меня, уходя внизъ къ озеру, чтобы достать мнѣ пищу; всѣ матери отправлялись вмѣстѣ и тогда мы, малыши, становились на край гнѣздъ и иногда вываливались изъ нихъ. Нѣкоторые храбрецы, старше на нѣсколько дней другихъ, смѣло отправлялись къ берегу озера и начинали тамъ плавать; это удавалось имъ очень легко, гораздо легче, чѣмъ умѣнье летать, которое приобрѣталось нѣсколько позже. Когда находилась пища, мать возвращалась ко мнѣ обратно, кормила меня и рассказывала мнѣ о томъ, какъ почти мѣсяцъ потребовался ей на то, чтобы я вылупился изъ яйца. Она говорила мнѣ, что предо мной еще цѣлое лѣто, чтобы я могъ вырасти, такъ какъ старшія птицы скоро должны были линять, а въ то время, когда онѣ линяли, не могло быть и рѣчи объ ученіи летать. Какъ только мы получимъ новыя перья, сказала мнѣ мать, ты сейчасъ же начнешь брать уроки летанія. По временамъ на болотахъ ревѣли бегемоты, или въ пустынѣ рычалъ левъ или мы слышали, какъ въ часы глубокой ночи завывала гіена, но не было никакихъ звуковъ, которые могли бы помѣшать намъ, и никогда никакая опасность не появлялась среди насъ.

«Но я узналъ отъ матери, что, когда наступятъ осенніе дожди, то мы, молодежь, научимся уже летать и вожаки стаи отведутъ насъ въ безопасное мѣсто.

— «Мы самыя счастливыя птицы», сказала моя мать, — мы обладаемъ кра-

сотою и благоустроенной жизнью». Съ одной стороны мы родственники аистамъ и цаплямъ, а съ другой гусямъ, такъ что мы можемъ и ходить, и пла-

вать въ наименѣе доступныхъ частяхъ свѣта и самые хитрые охотники сбиваются иногда съ толку благодаря нашей осторожности. Нѣко-

Фламинго.

вать, и летать, смотря по нашему желанію; наши ноги имѣютъ перепонки, наши шеи самыя гибкія во всемъ птичьемъ мірѣ; мы очень мирны, а наше зрѣніе замѣчательно. Мы жи-

ворья изъ насъ такого же роста, какъ и человекъ, и имѣютъ четыре фута отъ клюва до хвоста.

При этихъ словахъ фламинго выпрямился во весь свой ростъ, чтобы пока-

зять, что онъ представляетъ собой очень красивую фигуру.

«Когда мои перья выросли, для меня настало время учиться летать. Это достаточно трудно, потому что даже наши родители летаютъ не особенно хорошо. Когда мы вполне развиваемся, то поднимаемся съ большимъ трудомъ, а когда учимся, то, конечно, обязательно падаемъ и получаемъ тяжелые ушибы, такъ какъ наши родители не всегда успѣваютъ помочь намъ.

«Спустя нѣсколько недѣль, какъ-то, въ полдень, вожаки сообщили намъ, что вода начинаетъ заливать наши мѣста. Нашъ вожакъ отдалъ приказъ отправляться въ путь и въ нѣсколько секундъ мы уже расправили наши крылья и полетѣли, клиномъ, въ поискахъ новыхъ мѣстъ. Это было трудное путешествіе и по дорогѣ мы бросили нѣсколькихъ слабыхъ товарищей. Когда настала невыносимая жара, мы сдѣлали остановку у озера и провели нѣсколько часовъ, спрятавъ голову подъ крыломъ, чтобы защитить ее отъ палящаго солнца.

«Тѣ изъ насъ, которымъ не нашлось мѣста въ самомъ озерѣ, расположились на берегу его, большей частью на одной ногѣ, засунувъ голову и часть шеи подъ одно изъ крыльевъ, и спали или отдыхали до тѣхъ поръ, пока старшія птицы не позвали насъ занять свои мѣста въ клину. Затѣмъ нашъ клинъ понесся дальше, мимо лѣсовъ и полей и бо-

лотистыхъ мѣстностей къ другому озеру, гдѣ мы расположились для вечерней трапезы, очень усталые и разбитые, но въ восторгѣ отъ прогулки. Теперь мы уже научились полагаться на нашихъ вожаковъ и понимать, что въ воздухѣ для нихъ существуютъ дороги и хорошо замѣченныя ими тропинки, такъ что они могли хорошо водить насъ въ совершенной безопасности.

«Иногда къ вечеру, когда мы оставались на ночь, начинался дождь. Антилопы, зебры, иногда львы и леопарды приходили пить и, хотя они не имѣли никакихъ намѣреній обидѣть насъ, но наши нервы сильно напрягались въ ихъ компаніи. Какъ бы мы ни уставали, мы всегда взлетали со своихъ мѣстъ; тѣ, которые взлетали первыми, описывали широкіе круги, все увеличивающіеся и увеличивающіеся, пока наконецъ не поднималось наше стадо и мы опять не отправлялись въ путь сквозь быстро наступающія сумерки, вынужденные затѣмъ опуститься на землю, гдѣ только было возможно. Тогда ночь проходила спокойно, безъ всякаго отдыха, такъ какъ малѣйшій шумъ заставлялъ насъ взлетать въ темнотѣ для того только, чтобы опять опуститься внизъ при окрикѣ вожака, что все спокойно.

«Если бы я рассказалъ вамъ обо всѣхъ тѣхъ новыхъ картинахъ, которыя я видѣлъ», продолжалъ фламинго, «то вы были бы поражены. Я видѣлъ громадныя стаи аистовъ, став-

шихъ въ боевомъ порядкѣ, чтобы остановить нашествіе арміи саранчи. Я видѣлъ хищныхъ звѣрей, пьющихъ рядомъ съ безобидными антилопами, не пытавшихся обидѣть ихъ. Я видѣлъ носороговъ, спящихъ въ травѣ совершенно спокойно, потому что ихъ вѣрный спутникъ, птица, живущая у нихъ на спинѣ, оберегала ихъ. Когда носорогъ просыпается, эта птица улетаетъ съ него на дерево, такъ какъ уже знаетъ, что теперь онъ самъ позаботится о себѣ; но когда онъ отдыхаетъ, то она опять усаживается на его спинѣ.

«И когда я увидалъ все это, то опять наступила весна и наши вожаки опять повели насъ обратно къ тому озеру, гдѣ я родился.

«Когда мы вернулись обратно на старое, знакомое мѣсто, начались серьезные разговоры о гнѣздахъ. Никто изъ насъ не желалъ строить себѣ гнѣзда, такъ какъ старыя были еще годны, но нѣкоторыя группы гнѣздъ находились въ плохомъ состояніи. Поэтому-то тѣ, которые должны были перестроить гнѣздо, направились внизъ къ берегу озера и тотчасъ-же занялись собираніемъ ила и травы. Я помогаль немного, а затѣмъ выбралъ себѣ подругу жизни.

«Къ несчастью гнѣздовье въ нашемъ районѣ было неудачно. Другіе районы гнѣздъ находились въ довольно хорошемъ состояніи, а на насъ напали змѣи и захватили нѣсколько яицъ и только что вылупившихся

птенцовъ. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, мы оставили свои гнѣзда и, составивъ отдѣльную стаю, отправились къ другому озеру подъ предводительствомъ одной очень старой птицы, которая была однимъ изъ лучшихъ вожаковъ въ стаѣ фламинго.

«Когда мы прибыли въ безопасное мѣсто, изобилующее водою и иломъ, то и здѣсь моя первая попытка устроить гнѣздо была не вполнѣ удачной: мое яйцо оказалось болтуномъ. Тогда мы снесли другое...

Фламинго остановился и началъ рыться въ грязной водѣ.

— Ну, а дальше? спросилъ лебедь.

— Осень принесла съ собою охотника и вотъ я здѣсь. Онъ подрѣзалъ мнѣ крылья; и теперь я не могу летать. Воздухъ холодный, сырой и грязный, мнѣ хочется въ Африку къ тропическимъ дождямъ и лѣсамъ и къ дикой свободной жизни...

— Это ни къ чему, мой другъ, прервалъ его лебедь,—ты хочешь слишкомъ многого. Будь доволенъ тѣмъ, что ты еще живъ; лучше быть живымъ фламинго въ звѣринцѣ, чѣмъ мертвымъ въ центральной Африкѣ.

Произнеся это, онъ поплылъ на средину пруда. Дикій селезень послѣдовалъ за нимъ. Стоя на одной ногѣ, Фламинго пристально сталъ смотрѣть сквозь туманный воздухъ, какъ будто бы видѣлъ вдали страну, въ которую онъ такъ страстно хотѣлъ попасть.

Другъ.

ПОДРУГИ.

(Повѣсть).

(Продолженіе).

III.

Однажды утромъ во время завтрака въ столовую вошли новыя пріѣз-

Въ столовую вошли новыя пріѣзжія...

жія—высокая молодая дама въ траурѣ, очень скромно одѣтая, но, повидимому, принадлежащая къ хорошему обществу, и съ нею дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, тоже въ траурѣ, слабенькая, хрупкая, съ большими красивыми глазами, полными выраженія доброты. Она боязливо озиралась по сторонамъ и прижималась къ своей матери.

Онѣ сѣли не за общій столъ, а за маленькій столикъ, который еще ранѣе былъ для нихъ приготовленъ, и молча стали завтракать. Послѣ десерта онѣ такъ-же, какъ и всѣ другіе, перешли въ ту комнату, гдѣ пили кофе и читали газеты и гдѣ дамы шили и вышивали, а дѣти бѣгали и рѣзвились въ ожиданіи того времени, когда можно будетъ выйти на пляжъ. Но и здѣсь, не зная никого, эти двѣ новыя госты держались въ сторонѣ.

Видя, съ какимъ интересомъ эта новая дѣвочка смотрѣла на другихъ дѣтей, Вѣрочка предложила своимъ подругамъ пригласить ее и предложить ей играть вмѣстѣ съ ними.

— Нѣтъ, отвѣтила Солянка. — Очень нужно связываться съ этой тихоней! Она насъ только стѣснитъ! Что въ ней толку? Размазня какая-то...

— А мнѣ кажется, продолжала Вѣрочка, — что ей просто неловко въ незнакомомъ обществѣ.

— Развѣ ты не замѣчаешь, обратилась къ ней Катя Гарденина, — какъ обѣ онѣ одѣты? Точно простыя... ни одной драгоцѣнной вещи...

— Онѣ-же въ траурѣ! возразила Вѣрочка.

— Ну, трауръ трауру рознь, продолжала Катя. — Въ ихъ траурѣ нѣтъ

никакого шика и вѣроятно это какія-нибудь мѣщанки...

— А что-жъ изъ того? возмутилась Вѣрочка.—Развѣ эта дѣвочка не можетъ быть доброй?

— Покорно тебя благодарю, сказала Катя и надула губы.—Я не желала-бы встрѣчаться съ такими людьми даже на пляжѣ изъ боязни, что они могутъ причинить мнѣ непріятности.

— Да вѣдь ты ихъ вовсе не знаешь, Катя, все еще возражала Вѣрочка.—А развѣ мы знаемъ всѣхъ тѣхъ дѣтей, съ которыми играемъ на пляжѣ?

— Ну, это сразу видно, съ кѣмъ имѣешь дѣло! воскликнула Катя.—Взять хотя-бы тебя, напримѣръ... Я сразу-же догадалась при первомъ взглядѣ на тебя, что ты изъ хорошаго общества, потому что на тебѣ и на твоей мамѣ были хорошіе туалеты.

Польщенная и обезоруженная этимъ комплиментомъ, Вѣрочка уже болѣе не настаивала и продолжала играть со своими подругами, а новенькая дѣвочка все еще съ завистью продолжала на нихъ глядѣть.

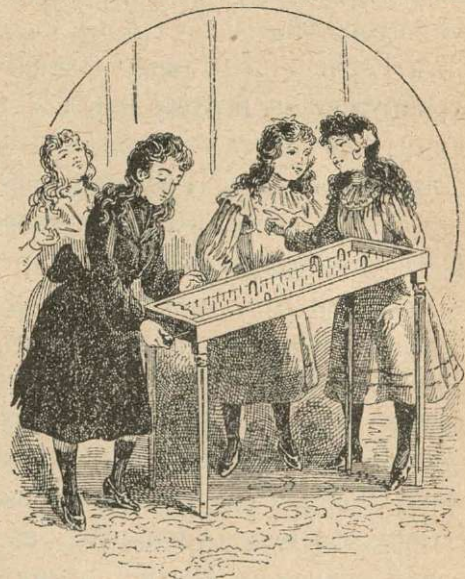
Послѣ полудня онѣ снова встрѣтили ее на пляжѣ и по-прежнему одну съ матерью, а затѣмъ вечеромъ, послѣ обѣда, когда всѣ опять собрались въ той залѣ, гдѣ пили кофе и читали газеты, и дѣвочки стали играть въ англійскій бильярдъ, то дама въ траурѣ подошла къ нимъ и подвела къ нимъ свою дочь.

— Пусть и моя дочь поиграетъ съ

вами... ласково обратилась она къ нимъ.

Трудно было отвѣтить отказомъ. И только три дѣвочки нѣсколько помедлили отвѣтомъ, всѣ-же другія дѣти, бывшія съ ними, сразу охотно согласились и новая дѣвочка съ большими голубыми глазами и длинными русыми волосами вошла въ веселую компанію дѣтей.

Вѣрочка подошла къ ней и стала съ ней рядомъ, полная къ ней сим-

... Она вошла въ веселую компанію дѣтей...

патіи, и первая задала ей неизбежный у дѣтей вопросъ:

— Какъ тебя зовутъ?

— Марта Дестиньоль.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Скоро десять.

— Вотъ какъ! проворчала задорливая Катя Гарденина, обратившись къ Вѣрочкѣ.—Ты ей дѣлаешь экзамень?

— Должно быть, это такъ у васъ

въ Россіи принято... проворчала Солянка Блюмецъ, а потомъ не утерпѣла сама и обратилась къ Мартѣ съ вопросомъ:

— А гдѣ ты живешь постоянно? Конечно, не въ Парижѣ?

— Нѣтъ, отвѣтила Марта,—мы живемъ постоянно въ деревнѣ...

— Ну, вотъ видишь! воскликнула Катя Гарденина.—Я такъ и предполагала! И по ея манерамъ видно, что она не городская!

Марта опустила глаза и готова была заплакать.

Катя Гарденина отлично говорила по-французски, а потому никогда не задумывалась передъ тѣмъ, что ей предстояло говорить. И на этотъ разъ она выступила впередъ и тономъ взрослой дѣвушки обратилась къ Мартѣ:

— Вотъ видите, моя милая, сказала она ей,—мы всѣ живемъ въ столицахъ: я—въ Петербургѣ, Вѣрочка Игнатьева—въ Москвѣ, а Солянка Блюмецъ—въ Парижѣ. И теперь вы отлично понимаете, что намъ вовсе нѣтъ никакой нужды принимать васъ въ свою компанію. Мы не принадлежимъ къ тому кругу, къ которому принадлежите вы, но такъ какъ намъ жаль васъ и мы не желаемъ, чтобы вы оставались однѣ, то мы вамъ позволяемъ играть иногда вмѣстѣ съ нами. Но только иногда! Вы довольны?

И не сознавая всей глупости и неприличности того, что она сказала, Катя гордымъ взоромъ обвела своихъ подругъ.

Марта не смѣла поднять глазъ.

— Да... отвѣтила она.

А затѣмъ сдѣлала реверансъ и сказала:

— Мерси...

— Въ такомъ случаѣ давай играть! обратилась къ ней Солянка.

Все еще смущенная, Марта приняла участіе въ игрѣ, но такъ отъ волненія ошибалась, что каждый ея ходъ возбуждалъ громкіе смѣхи среди молодежи. А сидѣвшіе невдалекѣ родители весело болтали между собою и слыша, какъ громко смѣялись ихъ дѣти, думали, что имъ очень весело и что такъ интересна для нихъ игра.

И весь этотъ вечеръ прошелъ для бѣдной Марты въ томъ, что она представляла собою мишень для насмѣшекъ Солянки и Кати Гардениной и издѣвательствъ для жестокой толпы счастливыхъ дѣтей.

Придя домой, Марта, конечно, ничего не сказала своей мамѣ о томъ приѣмѣ, который ей оказали дѣти, тѣмъ болѣе, что на другой и слѣдующіе дни г-жа Дестиньоль продолжала отыскивать для своей дочери подругъ среди другихъ дѣтей. Вышло такъ, точно ничего и не случилось.

Черезъ нѣсколько дней содержатели гостиницы «Пляжъ», въ которой проживали всѣ эти дѣвочки, затѣяли устроить большое катанье на ослахъ. Это—одно изъ удовольствій, которыми щеголяетъ Беркъ и въ которыхъ должны принимать участіе всѣ дѣти, чѣмъ больше, тѣмъ лучше, а потому дѣтямъ, живущимъ въ гостиницѣ, предоставляется право при-

глашать, кого они захотятъ, изъ другихъ гостинницъ изъ сосѣднихъ дачъ. Поэтому, сколько-бы ословъ ни было, они всегда бываютъ на-расхватъ и въ опредѣленный день, послѣ завтрака, почти у каждой калитки и у каждого крыльца можно бываетъ увидѣть осѣдланнаго осла, ожидающаго своего всадника. вмѣстѣ съ дѣтьми отправляются на ослахъ и ихъ матери.

Марта тоже приготовилась къ этой поѣздкѣ и ожидала ея, какъ праздника. Вообразившія себя хозяйками, Солянка и Катя Гарденина тотчасъ же послѣ завтрака быстро встали изъ-за стола и, отправившись къ осламъ, дали сигналъ, чтобы и всѣ садились на длинноухихъ животныхъ. Марта тоже послѣдовала за ними, чтобы тоже сѣсть на осла.

Выйдя на улицу, Солянка и Катя обошли всѣхъ ословъ, оглядѣли cadaго изъ нихъ, сравнили ихъ достоинства и недостатки и выбрали себѣ самыхъ лучшихъ. А затѣмъ онѣ стали раздавать остальныхъ ословъ кому хотѣли. И еще долго слышались ихъ крики:

— Пьеръ, вотъ тебѣ осель! Это тебѣ осликъ, Жанна! А вотъ осликъ и тебѣ!

И онѣ нарочно не обращали никакого вниманія на Марту, которая робко стояла въ сторонѣ.

Въ самый разгаръ этого дѣлежа вышли на улицу и матери, которыя до сихъ поръ сидѣли на террасѣ и вели между собой разговоръ. Онѣ за-

ботливо осмотрѣли ословъ и упряжь на нихъ, усадили на нихъ дѣтей и, видя всю эту радостную кавалькаду, захотѣли и сами покататься на ослахъ. Тотчасъ-же къ ихъ услугамъ были предоставлены лучшіе ослы, какіе только были у содержателей гостинницы. Когда подвели осла къ г-жѣ Дестиньоль, то прежде, чѣмъ сѣсть на него, она стала искать глазами свою дочь.

Не увидавъ ея вовсе среди дѣтей на ослахъ, она тихонько стала ее звать. Какъ вдругъ изъ-за уголка вышла ея Марта и на глазахъ у нея блестѣли слезы.

— Развѣ ты не ѣдешь? обратилась къ ней мать.

Марта взглянула на свою мать и губы у нея задрожали.

— Для меня не хватило осла... отвѣтила она.

— Какъ? воскликнула г-жа Дестиньоль.

Бывшій тутъ-же содержатель гостинницы, услышавъ этотъ разговоръ, немного смутился.

— Для васъ не хватило осла? сказалъ онъ.—Но вѣдь я-же приказалъ, чтобы были приготовлены ослы для всѣхъ, кто живетъ у меня въ гостинницѣ!

— Да, робко отвѣтила Марта,—но Солянка Блюмецъ и Катя Гарденина отослали нѣсколькихъ ословъ въ другія гостинницы, гдѣ живутъ ихъ другіе друзья...

— Онѣ должны были-бы меня предупредить, проговорилъ содержатель гостинницы съ видимой обидой,—но

— Развѣ ты не ѣдешь? обратилась къ ней мать.

успокойтесь, мадамгазель, я поправлю сейчасъ дѣло.

И онъ засуетился, чтобы достать осла, но такъ какъ въ конюшняхъ уже не осталось ни одного, то всѣ его хлопоты пропали даромъ. Въ это время отъ гостинницы «Терраса» уже ѣхала цѣлая кавалькада къ тому мѣсту, гдѣ всѣ должны были съѣхаться и продолжать путь уже вмѣстѣ. Содержатель гостинницы остановилъ ее и сталъ просить, чтобы ему дали лишняго осла, но и тамъ его не оказалось. Затѣмъ проѣхала кавалькада изъ гостинницы «Континенталь», въ ней тоже не оказалось лишняго осла и для Марты не оставалось уже больше никакой надежды принять участіе въ прогулкѣ.

— Ну-съ, г. Гренье, обратилась къ содержателю гостинницы мать Кати Гардениной,—дѣти уже готовы. Вы должны быть ихъ и нашимъ проводникомъ... Вы намъ обѣщали это... Потрудитесь-же садиться на вашего осла и выѣзжайте впередъ!

Катя и Солянка натянули уздечки и выѣхали впередъ. Къ нимъ хотѣла присоединиться и Вѣрочка Игнатьева, но ее остановила ее мама, чтобы поправить на ней растрепавшіеся волосы.

— Теперь я не могу... отвѣтилъ Гренье.— У мадамгазель Дестиньоль нѣтъ осла и я долженъ уступить ей своего.

И онъ прибавилъ съ обидой:

— Ваша дочь распорядилась иначе.

— Ахъ, какое несчастіе! воскликнула г-жа Гарденина, покраснѣвъ за дочь.—Точно такъ трудно найти еще одного осла! Такъ ѣдемте-же!

— Не могу, сударыня... я долженъ отдать своего осла мадамгазель Дестиньоль!

— Ну, что-жъ, оставайтесь... обидѣлась г-жа Гарденина.—Только едва-ли удобно затѣвать пикники и затѣмъ отказываться отъ нихъ въ самый послѣдній моментъ...

И, отвернувшись, она отошла прочь.

Гордость заговорила въ душѣ г-жи Дестиньоль. Полная достоинства и уваженія къ себѣ и къ другимъ, она наотрѣзъ отказалась отъ того осла, котораго предлагалъ ей дочери г. Гренье. Онъ былъ главнымъ хозяиномъ всей поѣздки, онъ долженъ былъ служить проводникомъ для всѣхъ и вотъ те-

перь, изъ-за ея дочери Марты онъ долженъ измѣнить свои планы и не ѣхать. Нѣтъ, она не можетъ этого допустить и ни за что не позволить своей дочери воспользоваться его любовнымъ предложеніемъ. Онѣ останутся дома и постараются какъ-нибудь незамѣтно провести свое время, пока всѣ вернутся съ пикника назадъ.

Причесывавшая въ это время Вѣрочку, г-жа Игнатьева была свидѣтельницей всей этой сцены. Она подошла поближе и со свойственной ей любезностью предложила какъ-нибудь уладить дѣло. Что если послать сейчасъ на пляжъ и поискать тамъ осла? Навѣрное, тамъ найдется еще не одинъ! Стоитъ только подождать какія-нибудь десять-пятнадцать минутъ и все устроится какъ нельзя лучше!

Въ это время вся кавалькада двинулась впередъ.

— Какъ? ждатель? воскликнула Вѣрочка.— Не ѣхать сейчасъ?

И увидѣвъ, какъ гордо держались на ослахъ Солянка и Катя Гарденина и какъ онѣ вызывающе смотрѣли на всѣхъ, она захотѣла присоединиться къ нимъ и ѣхать вмѣстѣ съ ними.

— Нѣтъ, мамочка, поѣдемъ сейчасъ, чуть не заплакала она, поѣдемъ вмѣстѣ со всѣми, а то что за охота каждому ѣхать врозь!

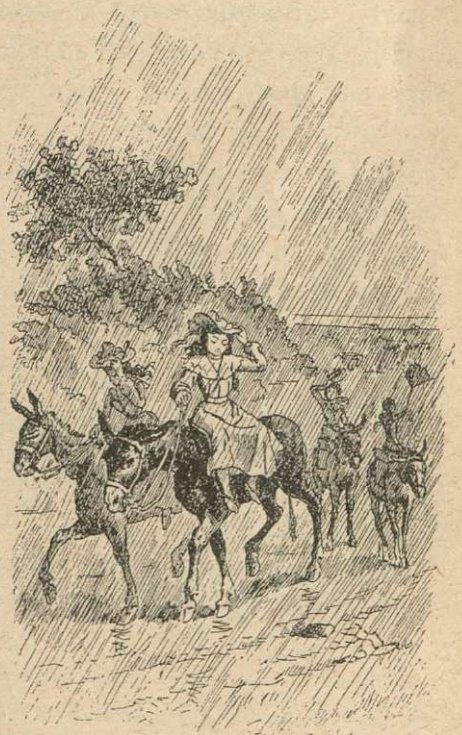
Что-то странное шевельнулось у нея въ душѣ и ей сразу вдругъ пришло на умъ, что она нехорошо поступала,

отказываясь подождать Марту. И она хотѣла уже остаться и даже предложить Мартѣ своего осла, но вспомнила, съ какими насмѣшками встрѣтятъ ее Солянка и Катя и какъ назовутъ ее размазней за то, что она послѣдовала влеченію своего сердца. И, подавивъ въ себѣ чувство раскаянія, она отъѣхала немного въ сторону и стала торопить свою маму.

Г-жа Дестиньоль сразу поняла ее и не желая лишать ее удовольствія отъ предстоящей прогулки, нѣсколько холодно ей сказала:

— Успокойтесь, дитя мое... Мы васъ не задержимъ! Мы не воспользуемся предложеніемъ вашей мамы!

И взявъ Марту за руку, она по-

Всѣ были мокры до костей.

вернулась и ушла къ себѣ въ гостиницу.

А Вѣрочка покраснѣла, ей было стыдно и жаль Марту, ей хотѣлось уже не ѣхать, а возвратиться въ гостиницу и провести время вмѣстѣ съ Мартой, но въ то-же время неиспытанное ею еще ни разу въ жизни удовольствие прокатиться верхомъ увлекло ее, взяло надъ нею верхъ и, съ грустью посматрѣвъ на удалявшихся мать и дочь, она хлестнула по ослу и поскакала на немъ въ догонку за кавалькадой.

И, присоединившись къ своимъ подругамъ, она рассказала имъ все, что произошло.

— Это я нарочно такъ сдѣлала, отвѣтила ей Катя,—чтобы не пустить въ нашу компанію эту несносную Марту! Правда, ловко я это задумала?

Вѣрочка дико на нее посматрѣла и не отвѣтила ей ничего.

«Какая злая», подумала она про нее.—«За что она такъ на нее напала?»

А въ это время къ Вѣрочкѣ подѣхала ея мать, грустно поглядѣла на нее и глубоко вздохнула.

— Мама, ты чего вздыхаешь? спросила ее дочь.

Мама опустила глаза и сказала:

— Мнѣ грустно, что у меня такая недобрая дочь.

Вѣрочка посматрѣла на нее и на глазахъ у нея заблестали слезы.

— Прости меня, мама... сказала она.—Я такъ себя ругаю за то, что не согласилась подождать бѣдняжку Марту!

И, пропустивъ впередъ своихъ подругъ, она молча поѣхала рядомъ съ мамой.

Облако пыли поднялось по шоссе и, разростаясь все шире и шире, поглотило въ себѣ кавалькаду. А когда оно промчалось далѣе и всѣ стали протирать себѣ глаза, то впереди послышалось далекое глухое ворчанье грома. Зашумѣли деревья, небо какъ-то сразу стало свинцово-сѣрымъ и для всѣхъ стало яснымъ, что погода перемѣнилась и что прогулкѣ уже не бывать. Засверкала молнія, загремѣлъ сильнѣе громъ и дождь полилъ какъ изъ ведра. Кто говорилъ, что необходимо вернуться сейчасъ-же, а кто совѣтовалъ продолжать путь и укрыться отъ дождя въ недалекомъ лѣсу. И кончилось дѣло тѣмъ, что всѣ бросились вразсыпную и стали спасаться, кто куда могъ.

И когда кавалькада вернулась обратно въ Беркъ, то всѣ были мокры до костей и ни на комъ не было ни одной сухой нитки.

А громъ все гремѣлъ, дождь лилъ ручьями весь этотъ день и всю слѣдующую ночь.

Н.

(Продолженіе будетъ).

ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ.

Звонять колокола уныло.
И служба постная идетъ...
Струится ладонъ изъ кадила...
Но хора нѣтъ,—дьячекъ поетъ.

Стоять міряне со свѣчами
И каждый исповѣди ждетъ...
А солнце вешними лучами
Такъ и печетъ, такъ и печетъ.

И такъ хотѣлось-бы быть чистымъ,
Какъ этотъ день, какъ этотъ дымъ,
Быть легкимъ, нѣжнымъ и душистымъ,
И, какъ молитва, быть простымъ.

Кузнечикъ.

ТРИ ЖЕЛАНІЯ.

Пьеса для дѣтей.

дѣйствующія лица:

Василій, деревенскій парень.**Настя**, его сестра.

Бѣдно убранная комната. Шкафъ, столъ, два стула. Денеженькіе часы.

НАСТЯ [одна, подметаетъ и убираетъ. Потомъ глядитъ на часы]. Уже восемь часовъ! Того и гляди, вернется братъ Василій. Пора столъ накрывать. [Ставить метлу въ уголь, открываетъ шкафъ и вынимаетъ изъ него посуду]. Картофель, хлѣбъ, потомъ масла кусочекъ, и больше ничего. Маловато будетъ для Василя, потому что мой братецъ любитъ покушать... Я могла бы прикупить еще и пару колбасокъ, да нѣтъ, объ этомъ и думать нечего. [Показываетъ, что въ карманѣ пусто]. Этого не будетъ. [Напѣвая пѣсенку, продолжаетъ накрывать къ ужину. Въ это время сзади незаметно входитъ Василій].

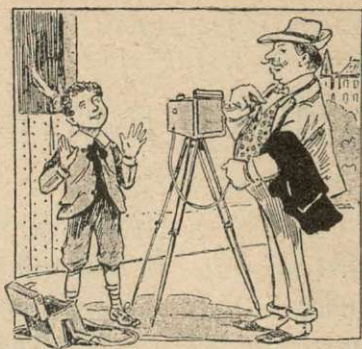
ВАСИЛІЙ [въ сторону]. Постой, я ее напугаю! [Осторожно приближается къ Настѣ закрываетъ ей руками глаза и кричитъ сзади] Ухъ!

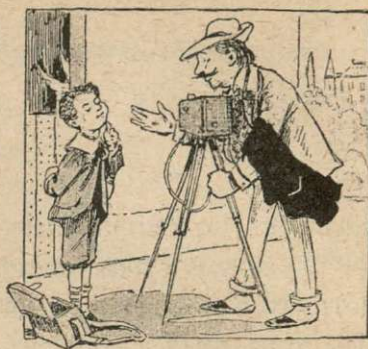
НАСТЯ [испуганно]. Ай! Батюшки, кто это? [высвобождаясь и оборачиваясь]. Какъ ты меня испугалъ!

1. — Стой, Вася, и не двигайся. Я сейчас тебя сниму!

2. Отлично! ВЪротно, ты выйдешь очень хорошо.

3. А теперь ты сними меня!

4. Ты долженъ направить на меня аппаратъ,

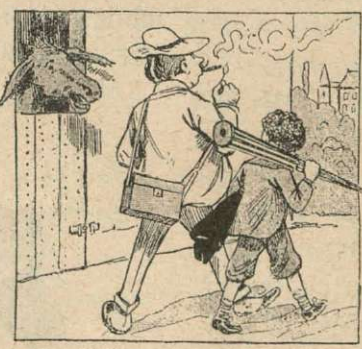
5. затѣмъ вставить эту пластинку...

6. и сжать эту резиновую грушу на кишочкѣ.

7. — Ну, Вася, теперь снимай. Нажимай грушу!

8. Теперь пойдемъ домой!

9.—Филиппъ! Возьмиэтотъ аппаратъ, прояви пластинки и отпечатай карточки. Подашь ихъ мнѣ!

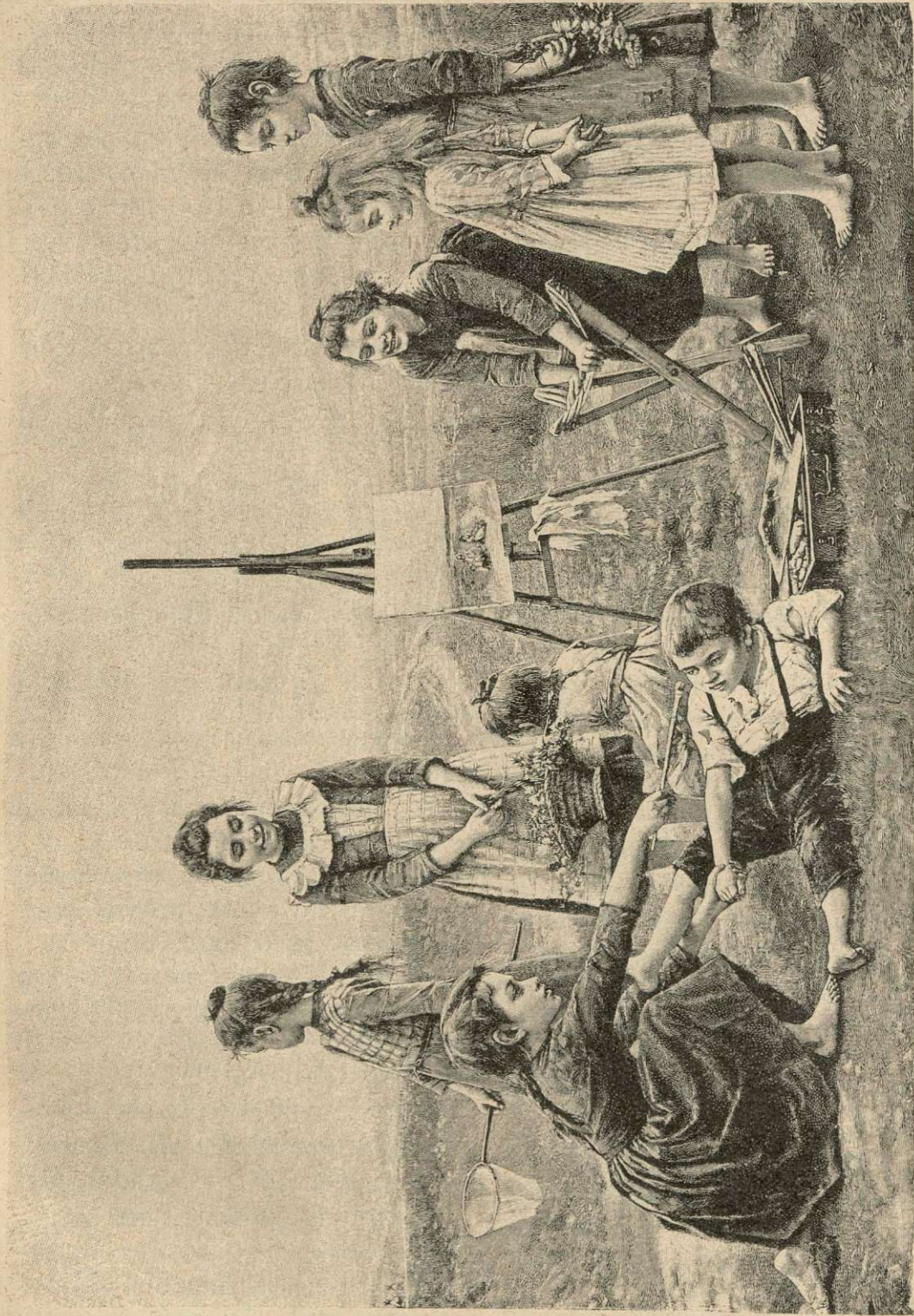
10. — Что ты, Филиппъ?
— Да, вотъ, карточки готовы-сь!

11.—Посмотрите, дорогіе гости, какъ похожи Вася и я!

12.—Да, очень похожи! отвѣтили гости.—Въ особенности вы.

Въ отсутствіи художника.

василій. Ну, ладно, ладно, про-сти... А теперь, сестра, давай ѣсть. Я голоденъ, какъ волкъ!

настя. Напрасно, братецъ; у насъ нѣтъ ничего, кромѣ картофеля и ку-сочка масла.

василій. Какъ, ничего больше?.. А я видѣлъ у лавочника славную свинину!

настя. И я видѣла.

василій. И ты видѣла?.. Жаль, что денежки наши всѣ вышли за яр-марку... А?.. [Садятся ужинать].

настя. Эхъ, хорошо живетъ бо-гатымъ!

василій. Каждый день они мо-гутъ ѣсть мясо. Чѣмъ больше де-негъ они бросаютъ, тѣмъ больше у нихъ остается.

настя. Можно подумать, что тѣ деньги, которыя они выкидываютъ за окошко, домовой назадъ имъ при-носитъ. Эхъ, жаль, что мы не жи-вемъ во времена русалокъ, домовыхъ, лѣшихъ и другихъ духовъ! Тогда стоило-бы только кликнуть ихъ и черезъ трубу влетать-бы какой-ни-будь духъ, который дѣлалъ-бы для тебя все, что только пожелаешь.

василій. Эй, сестра, не говори вздора!

настя. Какъ, неужели ты не вѣ-ришь... въ нечистую силу?

василій. Говорю тебѣ, что всякій мало-мальски образованный человекъ въ наше время знаетъ, что теперь нѣтъ никакихъ домовыхъ или руса-локъ.

настя. Неужели нѣтъ?

василій. Конечно, они были когда-то, да только теперь ихъ больше нѣтъ.

настя. Жаль... А вѣдь они ни-чего кромѣ добра не дѣлали бѣд-нымъ людямъ,—однимъ взмахомъ волшебной палочки они могли пре-вратить въ принца любого крестья-нина—такого, какъ ты, напримѣръ...

василій. А крестьянку вродѣ тебя сдѣлать принцессою! Да?..

настя. Что жъ, это было бы не худо!

василій. Не знаю, не знаю [рѣ-жетъ хлѣбъ и находитъ въ немъ листикъ бу-маги]. Что это? Бумага въ хлѣбѣ...

настя. Что, что такое?

василій. Да еще и писанная!

настя. Что за диво!

василій. Да какъ чудно пахнетъ [нюхаетъ бумагу].

настя. Ужъ не домовой ли ее под-сунуль?

василій. Это чья-то шутка!.. Ну-ка смотри, что тамъ написано?

настя. Ну, ужъ нѣтъ, читай самъ!

василій. Да ну-же, прочти!

настя. А ты боишься?

василій. Да нѣтъ-же, а только [пристально глядитъ на бумагу, стараясь про-читать], а только въ глазахъ рябитъ отъ такого мелкаго письма.

настя. Ну, покажи [читаетъ вслухъ].

«Придумайте сообща три желанія, они немедленно будутъ исполнены».

василій [въ изумленіи]. Такъ и на-писано тамъ?

настя. Такъ и написано.

василій. Дивное дѣло!

настя. Вотъ видишь, и до сихъ поръ еще есть духи, которые рады помочь людямъ!

василій. Мнѣ бы ужасно хотѣлось поскорѣе произнести какое-нибудь желаніе.

настя. Только подумай хорошенько!

василій. Я бы попросилъ нѣсколько милліоновъ денегъ.

настя. А я бы хотѣла быть вѣчно молодою.

василій. А я—чтобы жить вѣчно.

настя. А я—чтобы быть самую красивую дѣвушкою на 20 верстъ вокругъ.

василій. Видишь, Настя, сколько хорошихъ вещей на свѣтѣ! Ихъ такъ много, что намъ невозможно ихъ всѣ имѣть.

настя. Какая жалость, что только три желанія! Хотъ бы полдюжину!

василій. Эка, ты небось хотѣла бы все получить сразу!

настя. Еще бы! Ну, а теперъ давай поужинаемъ, да хорошенько обо всемъ подумаемъ!

василій. А ну-ка, погляди ты еще разокъ въ шкафъ, нѣтъ ли тамъ еще чего-нибудь, а то голодно какъ-то.

настя. Едва-ли есть... [открываетъ шкафъ]. Вотъ, если бы я нашла тутъ хоть кусочекъ колбаски, какую продаетъ нашъ лавочникъ!.. [Вскрикиваетъ]. Ой, съ нами крестная сила!

василій [Въ испугѣ]. Что такое?

настя [Вынимая изъ шкафа тарелку съ колбасами]. Василій, вотъ тебѣ и колбаса, которой тебѣ такъ хотѣлось!

василій. Колбаса!

настя. Ну, да. И совсѣмъ теплая еще, паръ изъ нея идетъ! Смотри!

василій. Въ самомъ дѣлѣ!

настя. Это, вѣроятно, посылаетъ намъ нашъ домовый!

василій. Не иначе. [Сообразивъ]. Пропади она совсѣмъ, твоя колбаса! Одно изъ трехъ желаній уже тю-тю!.. Оно потрачено на нѣсколько жалкихъ колбасокъ! Эхъ, ты!

настя. Развѣ я знала, что такъ будетъ? У меня оно нечаянно сорвалось съ языка, я и не подумала о томъ, что изъ этого выйдетъ!

василій [Передразнивая]. Нечаянно сорвалось, не подумала, что изъ этого выйдетъ! Вѣдь это самая страшная ошибка, которую ты когда-либо дѣлала въ жизни! Подумай только: мы могли выбрать всего-на-всего три какія-нибудь вещи, а ты, ты! Выбираешь колбасу, ты подумай! Колбасу!..

настя. Вася!

василій. Эхъ, убирайся ты съ твоею колбасою! Не знаю, что даль бы, чтобы она прилипла къ твоему носу!..

настя. Отстань, противный!.. [Начинаетъ плакать въ фартукъ].

василій. Вѣдь этакую ты сдѣлала глупость! [Дѣвочка, играющая роль Насти, плача и всхлипывая, оборачивается назадъ и прикрѣпляетъ къ своему носу резиновую колбасу, которую она вынимаетъ изъ кармана, и надуваетъ. Такія колбасы продаются въ игрушечныхъ лавкахъ и въ писчебумажныхъ магазинахъ. Для прикрѣпленія можетъ годиться проволочный зажимъ, который слегка прищемливаетъ носъ].

настя. Перестань ворчать!.. Ай, съ нами крестная сила! Что это у

меня тутъ такое? [Оборачивается къ Василию]. Посмотри, что ты надѣлалъ. Теперь колбаса у меня на носу!

василій. Вотъ такъ штука!

настя. Что-же я теперь буду дѣлать?

василій. Погоди немножко, я тебѣ помогу. [Хватаетъ ножъ и хочетъ отрѣзать колбасу].

настя. Ай, ай, ай! Больно!

василій. Что за исторія?

настя. Никакой исторіи нѣтъ; вѣдь самъ же ты пожелалъ, чтобы колбаса прилипла мнѣ къ носу. Она и прилипла!

василій. Теперь нужно сказать послѣднее желаніе! А то такъ и останется навсегда! Постой, постой, погоди немножко! Вѣдь это будетъ третье желаніе, и мы тогда опять останемся съ тобою въ прежнемъ положеніи...

настя. Ты хочешь, значить, чтобы это гадкое украшеніе изъ колбасы навсегда осталось на мнѣ?

василій. Гадкое украшеніе,—ничуть не гадкое... вѣдь это такая славная колбаска, и выглядитъ превкусно...

настя. Ты насмѣхаешься надо мною [плачетъ].

василій [быстро]. Выслушай меня. Я попрошу сейчасъ нѣсколько тысячъ милліоновъ, и когда мы разбогатѣемъ, я закажу серебряный футляръ на твою колбасу.

настя. Благодарю покорно!

василій. Ну, такъ я закажу золотой футляръ; будешь довольна?

настя. Не хочу я ни серебрянаго, ни золотого футляра! Мнѣ нужно, чтобы все было по-старому.

василій. Замолчишь ли ты?

настя. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

василій [разсерженно]. Говорю тебѣ молчи! Я запрещаю тебѣ высказывать третье пожеланіе.

настя. Ты мнѣ запрещаешь? Ну хорошо-же, увидишь! [кричитъ]. ...Я желаю, чтобы...

василій. Еще слово, Настасья, и я тебя побью. [Хватаетъ метлу и замахивается на нее].

настя. [кричитъ]. Я желаю, чтобы сейчасъ-же...

василій. [легонько бьетъ ее метлоу]. Вотъ тебѣ!

НАСТЯ. Ай, ай, ай! [громко рыдаетъ, закрывшись фартухомъ].

ВАСИЛІЙ. Плачешь... [бросаетъ метлу и подходитъ къ Настѣ]. Настюша!

НАСТЯ [стонетъ и всхлипываетъ]. Несчастная я дѣвушка, родной мой братъ меня колотитъ.

ВАСИЛІЙ. Ну, Настюша, развѣ я такъ больно тебя ударилъ!

НАСТЯ [продолжаетъ рыдать] Пойду сейчасъ утоплюсь...

ВАСИЛІЙ [плаксиво]. Да нѣтъ же, нѣтъ, Настюша. Этого не будетъ! Перестань сейчасъ-же.

НАСТЯ. Жили мы до сихъ поръ въ мирѣ и согласіи, а теперь, смотри, все испортили намъ эти три желанія!

ВАСИЛІЙ. Правда, правда! Какой-нибудь часъ тому назадъ мы еще весело шутили и смѣялись... А теперь у тебя глупый носъ.

НАСТЯ. Такъ вотъ, если хочешь, такъ ты...

ВАСИЛІЙ. Да, да [кричитъ твердо и рѣшительно]. Эй ты, какъ тебя? Я желаю, чтобы ты сейчасъ-же убралъ свою колбасу съ Настинаго носа!

НАСТЯ. Васенька!.. [незамѣтно снимаетъ колбасу съ носа, роняетъ ее на землю и

треть себѣ носъ]. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ея больше! [весело]. Посмотри, пожалуйста, правда, ея больше нѣтъ?

ВАСИЛІЙ. Правда, правда, Настя!

НАСТЯ. Какъ я тебѣ благодарна, Вася!

ВАСИЛІЙ. Ну, Настя, теперь мы оба отлично знаемъ, что для того, чтобы быть счастливыми, не нужно ни золота, ни колбасы!

(ЗАНАВѢСЬ).

Съ чешскаго

Н. Н. Новичъ.

ВЕСНА.

Дни свѣтлѣй и дольше стали,—
Приближается весна;
Нынче рамы выставляли;
Намъ зима ужъ не страшна!

Стаяль снѣгъ, сбѣжалъ ручьями;
Стукъ колесъ по мостовой,

Полонъ свѣтлыми мечтами
Цѣлый день я свой не свой,

Такъ и хочется на волю.
Поскорѣе убѣжать—

Къ лугу, къ лѣсу, къ рѣчкѣ, къ полю
Вольнымъ воздухомъ дышать.

Ив. Бѣлоусовъ.

БАБУШКИНА СКАЗКА.

— Бабушка, расскажи намъ сказку! обратились дѣти къ сидѣвшей въ уголку старушкѣ. Что ты все сидишь, молчишь, да вяжешь свой безконечный чулокъ? Намъ скучно!

Бабушка посмотрѣла на дѣтей черезъ висѣвшіе на самомъ кончикѣ носа пенсне и улыбнулась.

— Да вѣдь на васъ не угодишь, отвѣтила она.—Вамъ все новое подавай, а я кромѣ старья ничего не знаю... Въ наше время были однѣ сказки, а въ ваше—совсѣмъ другія... Вамъ теперь подавай съ автомобилями, да съ воздушными шарами, а въ наше время такъ-то хорошо мы летали на коврахъ-самолетахъ, да бывали въ гостяхъ у Морского царя! Нѣтъ, дѣтки, ужъ увольте: на васъ теперь не угодишь!

Но дѣти обступили ее со всѣхъ сторонъ.

— Бабушка, миленькая, расскажи! стали они просить ее.—Мы не отстанемъ отъ тебя до тѣхъ поръ, пока ты не расскажешь!

Бабушка отложила въ сторону чулокъ.

— Хоть и старое? спросила она.

— Хоть и старое! закричали дѣти хоромъ.—Мы будемъ слушать тебя со вниманіемъ.

— И дослушаете до конца?

— И дослушаемъ до конца!

Бабушка оправила на себѣ наколку,

протерла пенсне и опять принялась за чулокъ.

— Ну, ладно, сказала она.—Садитесь сюда поближе!

Дѣти усѣлись къ ней потѣснѣе и, затаивъ дыханіе, стали слушать.

— Ну-съ, начала бабушка, жилъ былъ царь съ царицею. Однажды пошелъ царь на охоту и увидѣлъ: сидитъ на дубу молодой орелъ. Только хотѣлъ царь его застрѣлить, а орелъ и проситъ:

— Не стрѣляй въ меня, государь, возьми лучше меня къ себѣ, я тебѣ пригожусь!

Подумаль-подумаль царь, на что ему можетъ пригодиться орелъ, и прицѣлился въ него опять.

— Не стрѣляй въ меня, государь, опять попросилъ его орелъ.—Возьми лучше къ себѣ, я тебѣ пригожусь!

Царь не послушалъ его и прицѣлился въ него въ третій разъ.

— Не стрѣляй въ меня, царь-государь, въ послѣдній разъ попросилъ его орелъ.—Возьми лучше къ себѣ, я тебѣ пригожусь!

Жалко стало царю орла, взялъ онъ его къ себѣ и сталъ его кормить. И такъ много ѣлъ у него этотъ орелъ, что за два года съѣлъ у него всю птицу и весь скотъ, такъ что не осталось у царя ни овцы, ни коровы. Послѣ этого захотѣлъ орелъ

летѣть, но не смогъ, не хватило у него силъ.

Покорми меня, говоритъ онъ царю,— еще два года.

— Да гдѣ же я возьму для тебя еще скота, отвѣчаетъ ему царь,— когда у меня самого ничего не осталось?

— Хоть займи у кого-нибудь, да прокорми!

Сталъ царь брать скотъ взаймы у сосѣдей и кормить имъ орла. Кормиль-кормиль, кругомъ задолжалъ, насилу прокормилъ орла еще два года.

Послѣ этого орелъ захотѣлъ летѣть и поднялся такъ высоко, что чуть не за облака. А затѣмъ спустился на землю и говоритъ царю:

— Садись на меня, царь! Полетимъ вмѣстѣ!

Царь сѣлъ на орла и они полетѣли.

Летѣли они, летѣли и прилетѣли на край синяго моря. Какъ только стали летѣть надъ водой, такъ орелъ сбросилъ съ себя царя прямо въ воду, такъ что царь намокъ по колѣни. Орелъ не далъ ему утонуть и подхватилъ его.

— Что, царь, испугался? спросилъ онъ у него.

— Испугался, отвѣтилъ царь.

Полетѣли дальше.

На серединѣ моря орелъ опять сбросилъ съ себя царя, такъ что онъ упалъ въ воду и намокъ по поясъ. Только орелъ опять не далъ ему потонуть и опять подхватилъ его.

— Что, царь, испугался? спросилъ орелъ.

— Испугался, отвѣтилъ царь.

Полетѣли еще дальше. Долетѣли до какого-то другого моря и тутъ орелъ въ третій разъ сбросилъ съ себя царя. Царь упалъ и погрузился въ воду по самую шею. Только и въ третій разъ орелъ не далъ ему потонуть и снова вытащилъ его изъ воды.

— Что, царь, испугался? спросилъ онъ его въ третій разъ.

— Испугался, отвѣтилъ царь,— да все думалъ: авось ты меня вытащишь!

— Ну, такъ вотъ видишь, царь, что такое страхъ смерти? Это тебѣ за старое! Помнишь, какъ я сидѣлъ на дубу, ты три раза прицѣливался въ меня и хотѣлъ стрѣлять. Вотъ такъ и я тогда три раза пугался, а все думалъ: авось ты меня не застрѣлишь!

Стыдно стало царю, да дѣлать нечего. Полетѣли они дальше.

Летѣли-летѣли и залетѣли за тридевять земель.

— Посмотри-ка, царь, обратился къ царю орелъ, что надъ нами и что подъ нами?

— Надъ нами небо, отвѣтилъ царь,— а подъ нами поле чистое, а посреди поля избушка стоитъ.

— Это домъ моей младшей сестры. Полетимъ туда!

Опустились они на землю и сѣли прямо на дворъ орловой сестры. Выскочила къ нимъ на встрѣчу сестра, не знаетъ, гдѣ посадить орла,

чѣмъ его накормить, а на царя все и глядѣть не хочетъ. Оставила его на дворѣ, да еще собакъ на него натравила. Обидѣлся на нее орель, подхватилъ на крылья царя и полетѣлъ съ нимъ къ небу.

— А ну-ка, царь, погляди на домъ сестры, обратился онъ къ царю, — что съ нимъ?

— Горитъ!.. отвѣтилъ ему царь. — У твоей младшей сестры пожаръ!

— Такъ ей и надо! Это ей за то, что тебя принять не съумѣла.

Полетѣли дальше. Летѣли-летѣли, опять орель спрашиваетъ.

— Посмотри-ка, царь, что надъ нами и что подъ нами?

— Надъ нами небо, отвѣтилъ царь, — а подъ нами поле чистое, а среди поля домъ стоитъ.

— Тамъ живутъ моя старшая сестра и моя мать. Полетимъ къ нимъ!

Опустились они на дворъ къ матери, выскочили къ орлу старшая сестра и мать, стали отъ радости плакать, не знаютъ, гдѣ царя посадить, что ему дать поѣсть. А орель стоитъ тутъ же, да глядя на нихъ и самъ радуется.

— Ну, царь, сказалъ орель, — отдохни у насъ, а послѣ я расплачусь съ тобой: отдамъ тебѣ все, что я у тебя съѣлъ.

Отдохнулъ у него царь, а потомъ орель далъ ему корабль и два сундучка — красный и зеленый и сталъ съ нимъ прощаться.

— Прощай, царь-государь, сказалъ онъ. — Спасибо тебѣ! Счастливаго

тебѣ пути! Только смотри, не отпирай сундучковъ, пока домой не приѣдешь. Красный сундучекъ открой на заднемъ дворѣ, а зеленый — на переднемъ!

Взялъ царь сундучки, простился съ орломъ и поплылъ домой. По дорогѣ доплылъ онъ до какого-то острова, вышелъ на берегъ отдохнуть, вспомнилъ про сундучки и сталъ придумывать, что бы такое въ нихъ было и зачѣмъ орель не велѣлъ открывать ихъ по дорогѣ. Думалъ, думалъ, не утерпѣлъ, поставилъ красный сундучекъ и открылъ его.

И полѣзло оттуда столько разнаго скота, и крупнаго, и мелкаго, что и глазомъ не окинешь. Ужъ весь островъ скотомъ занятъ, самому царю помѣститься негдѣ, а скотъ все выходитъ изъ сундучка и выходитъ. Сталъ тутъ царь плакать, не знаетъ, какъ ему быть.

— Что-же мнѣ теперь дѣлать? приговариваетъ онъ. — Какъ опять загнать скотъ обратно въ сундучекъ? Неужели оставлять его весь здѣсь, на островѣ, а самому домой съ пустыми руками приходиться?

И видитъ — вышелъ изъ воды человекъ и подходитъ прямо къ нему.

— О чемъ такъ горько плачешь? спрашиваетъ онъ царя.

— Да какъ-же мнѣ не плакать, отвѣчаетъ царь, — когда я не знаю, какъ загнать весь этотъ скотъ въ такой маленькій сундучекъ!

— Давай я тебѣ загоню!

— Загони пожалуйста!

Спокойной ночи, сестра!

— Только уговорь: отдай мнѣ то, чего дома не знаешь.

Думалъ, думалъ царь, чего онъ дома не знаетъ? Кажется, знаетъ все. Подумалъ и согласился.

— Хорошо, говоритъ человѣкъ,— теперь я загоню тебѣ скотъ.

И, дѣйствительно, весь скотъ загналъ въ сундучекъ. Царь взялъ сундучки, сѣлъ опять на корабль и поплылъ дальше.

Приѣзжаетъ домой, глядь—а безъ него у него сынъ родился. Сталъ его царь цѣловать и миловать, а самъ такъ и рыдаетъ.

— Чего ты? спрашиваетъ его царица.

— Съ радости, отвѣчаетъ царь, а самъ-то побоялся ей правду сказать, что царевича надо отдавать тому человѣку.

Вышелъ онъ потомъ на задній дворъ, открылъ красный сундучекъ и подѣзли оттуда быки и коровы, открылъ на переднемъ дворѣ зеленый сундучекъ — и появился передъ нимъ богатый фруктовый садъ: какихъ, какихъ только въ немъ деревьевъ не было! Царь такъ обрадовался, что и забылъ отдавать сына.

Прошло двадцать лѣтъ.

Захотѣлось какъ-то царю погулять и пошелъ онъ къ рѣкѣ. Какъ вдругъ вылѣзаетъ изъ рѣки тотъ самый человѣкъ, который ему загонялъ когда-то на островѣ въ сундучекъ скотъ.

— Скоро-же ты, царь, забываешь свои обѣщанія, говоритъ онъ.

— Какія? спрашиваетъ царь.

— А кто обѣщаль отдать мнѣ то, чего дома не знаетъ?

— А самъ-то ты кто?

— А развѣ ты не знаешь? Я Водяной царь, тотъ самый, что тогда на островѣ тебѣ скотъ въ сундучекъ загонялъ!

Вспомнилъ тутъ царь свое обѣщаніе, вздохнулъ глубоко и ничего не отвѣтилъ. Только вернулся домой и сталъ печальный и грустный. Стала царица спрашивать его и повѣдалъ ей царь все, что съ нимъ произошло.

Погоревали они, поплакали вмѣстѣ и рѣшили, что дѣлать нечего,—надо отдавать царевича Водяному царю. Отвезли его на взморье и оставили на морскомъ берегу одного.

Оглядѣлся царевичъ кругомъ, увидалъ тропинку и пошелъ по ней. Шель-шель и очутился въ дремучемъ лѣсу. Стоитъ въ лѣсу избушка на курьихъ ножкахъ.

«Дай, думаетъ царевичъ,—зайду!»

И вошелъ въ избушку. А тамъ жила баба-яга.

— Здравствуй, царевичъ! сказала она ему.—По волѣ, аль поневолѣ?

— Эхъ, бабушка, отвѣтилъ ей царевичъ,—напой, накорми, а потомъ и спрашивай!

Напоила она его, накормила и рассказалъ онъ ей безъ утайки все.

— Слушай, царевичъ, говоритъ ему баба-яга.—Жаль мнѣ тебя, да дѣлать нечего. Сдѣлай вотъ какъ: пойди на море, спрячься въ кусты и жди. Прилетятъ купаться двѣнадцать

голубицъ. Все это дочери Водяного царя. Онѣ обернутся красными дѣвицами и начнутъ плескаться въ водѣ; такъ ты подкрадись потихоньку и схвати у старшей дѣвицы сорочку. А потомъ попадутся тебѣ на встрѣчу: Обѣдало, Опивало, да Морозъ-Трескунъ. Ты ихъ захвати съ собою и иди къ Морскому царю.

Такъ царевичъ и сдѣлалъ. Простился съ бабой-ягой, пошелъ къ морю, засѣлъ въ кусты и сталъ поджидать. Какъ вдругъ прилетѣли двѣнадцать голубицъ, ударились о землю, обернулись красными дѣвицами и стали купаться. Царевичъ подкрался, взялъ у старшей сорочку и опять спрятался въ кусты. Выкупались дѣвицы, вышли на берегъ; одиннадцать подхватили свои сорочки, обернулись птицами и полетѣли домой, осталась одна старшая—Василиса Премудрая. Стала молить его и просить: «Отдай сорочку, добрый молодецъ, придешь къ моему отцу, Водяному царю, такъ я тебѣ пригожусь!» Царевичъ отдалъ ей сорочку, она обернулась птицей и полетѣла вслѣдъ за сестрами. А онъ пошелъ дальше. Повстрѣчались ему затѣмъ три пріятели—Обѣдало, Опивало и Морозъ-Трескунъ. Взялъ онъ ихъ съ собою и отправился къ Водяному царю.

— Здорово, дружокъ! сказалъ онъ.—Что такъ долго ко мнѣ не приходилъ? Я ужъ усталъ, дожидаясь тебя!

— Да вотъ отецъ все меня къ тебѣ не посылалъ! отвѣтилъ Царевичъ.— Не моя въ томъ вина!

— Ну, твоя вина, или не твоя,— мнѣ дѣла нѣтъ. Изволь-ка теперь искупить ее!

— Что-же я долженъ дѣлать?

— А вотъ построй-ка за одну ночь большой хрустальный мостъ, чтобы къ утру былъ готовъ! Не построишь,—голова долой!

Идетъ Царевичъ отъ Водяного, а самъ тяжело вздыхаетъ.

Увидала его въ окошко Василиса Премудрая и спрашиваетъ:—

— О чемъ, Царевичъ, такъ тяжело вздыхаешь?

— Дакакъ-же мнѣ не вздыхать, отвѣтилъ Царевичъ, — когда твой отецъ велитъ въ одну ночь хрустальный мостъ построить, а я и молотка-то въ рукахъ держать не умѣю!

— Ничего, ложись себѣ спать! Утро вечера мудренѣе!

Ушелъ Царевичъ и легъ спать, а она вышла на крылечко и свистнула въ свистокъ. Откуда ни возьмись, мигомъ сбѣжались со всѣхъ сторонъ работники: кто мѣсто ровняетъ, кто кирпичи, кто хрусталь таскаетъ. Поутру встаетъ Царевичъ,—а мостъ уже готовъ. А Василиса Премудрая сунула ему въ руки метлу и поставила его на мосту.

— Стой, сказала она ему,—здѣсь, и дѣлай видъ, что мостъ подметаешь. Сейчас пойдетъ мимо отецъ!

Сталъ Царевичъ на мосту и машетъ метлой, будто его подметаешь. Выходитъ Водяной царь, увидалъ, оглядѣлъ мостъ со всѣхъ сторонъ и похвалилъ.

— Спасибо, Царевичъ! сказалъ онъ.—Хорошо сдѣлалъ мостъ. Теперь вотъ тебѣ еще задача: Насади къ завтрашнему дню большой, вѣтвистый садъ и чтобы въ томъ саду птицы райскія летали и распѣвали и чтобы на деревьяхъ висѣли уже спѣлые плоды!

Какъ тутъ сдѣлать, чтобы за одну ночь выросли деревья и созрѣли плоды?

Идетъ Царевичъ къ себѣ, а самъ тяжело вздыхаетъ.

— О чемъ, Царевичъ, такъ тяжело вздыхаешь? спрашиваетъ его опять Василиса.

— Да вотъ, отвѣчаетъ Царевичъ, —приказалъ твой отецъ за одну ночь садъ посадить, и чтобы въ немъ и птицы летали и плоды всякіе поспѣвали! А какъ мнѣ это сдѣлать?

— Ничего, Царевичъ, ложись себѣ спать! Утро вечера мудренѣе!

Ушелъ Царевичъ и легъ спать, а Василиса вышла на крылечко и опять свистнула въ свистокъ. Выбѣжали со всѣхъ сторонъ садовники, посадили зеленый садъ, въ саду птицы райскія распѣваютъ, а на деревьяхъ спѣлые плоды висятъ. Какъ взглянулъ Царевичъ по утру, такъ и ахнулъ. Ничего красивѣе онъ никогда не видалъ. Взялъ онъ метлу въ руки и вышелъ въ садъ. Гдѣ дорожку подмететъ, гдѣ листочекъ подниметъ.

— Спасибо, Царевичъ! похвалилъ его Водяной.—Хорошій садъ насадилъ! Молодецъ! Исполни теперь послѣднее дѣло,—и будемъ жить и хлѣбъ-соль дѣлить. Покажу я тебѣ

сейчасъ своихъ двѣнадцать дочерей: всѣ онѣ похожи между собою, какъ капли воды, лицо въ лицо, волосъ въ волосъ, платье въ платье. Если узнаешь, которая изъ нихъ Василиса, на той я тебя и женю, а не узнаешь—велю тебя казнить.

Узнала про то Василиса, улучила минуту и говоритъ Царевичу:—

— Не тужи, Царевичъ! Когда будешь узнавать меня, то у меня на правой щекѣ будетъ мушка сидѣть!

Кликнулъ Царъ своихъ дочерей, стали онѣ всѣ въ рядъ и сталъ Царевичъ ихъ угадывать. Какъ вдругъ прилетѣла мушка и сѣла одной изъ нихъ на щеку.

— Вотъ она! воскликнулъ Царевичъ.

— Дѣлать нечего, отвѣтилъ Водяной,—ты угадалъ. Бери-же ее себѣ въ жены и будьте вы мужъ и жена!

Повѣнчали ихъ и стали пиръ пировать.

Только не можетъ никакъ успокоиться Водяной, что его такъ обошелъ Царевичъ, и все думаетъ: какъ-бы его извести, какую-бы ему еще неисполнимую работу придумать? И придумалъ: Наготовили множество всякаго кушанья—сотнѣ челоуѣкъ не съѣсть! И приказываетъ онъ Царевичу все это съѣсть, а не то—худо будетъ!

— Батюшка, проситъ Царевичъ,—есть у меня здѣсь старичокъ одинъ, дозвожь и ему закусить съ нами!

— Что-жъ, отвѣчаетъ Водяной,—пусть придетъ!

Кликнули Обѣдалу, онъ явился и мигомъ ничего не бывало. Сидятъ гости голодные и нечего имъ ѣсть: все разомъ проглотилъ Обѣдало.

Тогда наставилъ Водяной царь всякаго питья сорокъ бочекъ и приказываетъ Царевичу, чтобы ничего не осталось. А самъ думаетъ: «Напьется Царевичъ, лопнетъ и умретъ». А Царевичъ видитъ, что ему всего не выпить и обращается къ Водяному царю:—

— Есть у меня другой старичокъ, дозвожь и ему выпить за твое здорье!

— Пусть придетъ! отвѣчаетъ Водяной.

Позвали Опивалу. Какъ только онъ явился, такъ въ ту-же минуту все и выпилъ. Сидятъ гости, головами качаютъ!—Ну, Водяной царь! Умѣлъ угостить! Ни одной капельки на столѣ нѣтъ, нечѣмъ и горло промочить!

Видитъ Водяной царь, что ничто не беретъ, приказалъ чугунную баню истопить, да такъ жарко, чтобы она покраснѣла. Затопили работники баню, раскалили ее до-красна, такъ что за пять верстъ подойти нельзя. Видитъ Царевичъ, что дѣло плохо, и говоритъ Водяному царю:—

— Ужъ очень въ твоей банѣ угарно. Дозволь сначала моему слугѣ въ ней попариться!

— Пускай попарится, отвѣчаетъ Водяной, а самъ думаетъ: «сгорить и этотъ».

Вошелъ въ баню Морозъ-Трескунъ; въ одинъ уголь дунуль, въ другой

плюнуль—и вдругъ такъ холодно стало, что въ банѣ вода замерзла и сосульки повисли. Пошелъ Царевичъ въ баню и кричитъ:—

— Эй, поддайте пару, а то замерзъ!

А Водяной царь сидитъ, хмурится и чѣмъ-бы извести Царевича все придумываетъ.

«Теперь ужъ я его доканаю», думаетъ онъ,—«теперь ужъ онъ не останется живой!»

А Василиса догадалась, въ чемъ дѣло, и говоритъ:—

— Уйдемъ, Царевичъ, а то худо будетъ!

Сѣли они на коней и поскакали. Ъхали они, ѣхали, много верстъ проѣхали.

— Слѣзь-ка, Царевичъ, съ коня, обратилась къ нему Василиса,—и послушай, нѣтъ-ли за нами погони?

Царевичъ слѣзь, приложилъ ухо къ землѣ и говоритъ:—

— Слышу топанье многихъ копытъ. Большая за нами идетъ погоня!

Слѣзла тогда и Василиса съ коня, оборотила коней колодеземъ, себя ковшикомъ, а Царевича старымъ старичкомъ.

Прибѣгаетъ погоня.

— Эй, старикъ! Не видалъ-ли Царевича съ красной дѣвицей?

— Видѣлъ, родимые, только давно-давно! отвѣчалъ старичокъ.—Они еще въ ту пору проѣхали, когда я молодымъ былъ!

Возвратилась погоня къ Водяному царю.

— Нѣтъ, говоритъ она ему,—ни слѣдовъ, ни вѣсти. Только и видѣли, что старика возлѣ колодца, да по водѣ ковшикъ плаваешь...

— Что-жъ вы ихъ не брали? закричалъ на нихъ Водяной царь и послалъ другую погоню.

А тѣмъ временемъ Царевичъ съ женою уже далеко уѣхали.

Услыхала Василиса новую погоню, оборотила Царевича старымъ попомъ, сама сдѣлалась ветхой церковью, а коней—двумя могилками.

— Эй, старикъ! крикнула Царевичу погоня.—Не видалъ-ли добраго молодца съ красной дѣвицей?

— Видѣлъ, родимые, только давнымъ давно, отвѣтилъ имъ Царевичъ,—еще въ тѣ времена, когда эта церковь строилась.

И вторая погоня возвратилась къ Водяному царю ни съ чѣмъ.

Поскакалъ тогда за Василисой да за Царевичемъ Водяной царь самъ.

Услыхала его Василиса Премудрая, оборотила коней медовою рѣкой съ кисельными берегами, Царевича селезнемъ, а себя уткою—и плаваешь.

Накинулся Царь на рѣку: пилъ-пилъ, до того допился, что и лопнулъ! Тутъ и духъ испустилъ.

А Царевичъ съ Василисою поѣхали дальше.

Стали они подъѣзжать домой къ отцу и матери Царевича и такъ у нихъ пріятно стало на душѣ!

— Ступай ты, Царевичъ, впередъ, обратилась къ Царевичу Василиса.—Покажись отцу съ матерью и попроси

у нихъ благословенія для меня. Мы вѣдь съ тобою безъ ихъ благословенія вѣнчались! Только запомни мое слово: со всѣми цѣлуйся, но не цѣлуй только своей сестры, а то меня позабудешь.

Пріѣхалъ Царевичъ домой, сталъ со всѣми цѣловаться, здороваться,—подвернулась тутъ ему младшая сестра, поцѣловалъ онъ и ее. Поцѣловалъ—и въ тотъ-же мигъ позабылъ о Василисѣ. Ждала она его, ждала, заплакала, догадалась, въ чемъ дѣло, и пошла въ городъ. Здѣсь наняла она себѣ комнатку у одной старушки и стала у ней жить.

Прошло три мѣсяца.

Задумалъ старый Царь своего Царевича женить. Сосватали ему неvěсту, объявили объ этомъ всему царству и приказалъ Царь, чтобы всѣ шли поздравлять жениха и неvěсту и несли въ даръ по пирогу съ начинкой.

Услыхала про это и Василиса.

— Дай, бабушка, обратилась она къ старушкѣ, у которой жила,—я пирогъ Царевичу испеку.

— Пеки! отвѣтила ей старушка и затопила для нея печь.

Василиса взяла муки, замѣсила тѣсто, сдѣлала пирогъ, положила туда начинки, посадила туда голубя съ голубкой и понесла пирогъ во дворецъ.

А тамъ уже пиръ шелъ горой.

Подали на столъ пирогъ Василисы и только разрѣзали его пополамъ,

какъ вылетѣли оттуда голубь и голубка. Голубка летитъ за голубемъ, плачетъ, а сама приговариваетъ:—

— Не забудь меня такъ, какъ Царевичъ забылъ Василису Премудрую!

Тутъ только Царевичъ вспомнилъ про свою жену.

Онъ выскочилъ изъ-за стола, схватилъ ее за руки, подвелъ ее къ отцу и къ матери и всенародно объявилъ:

— Вотъ моя настоящая жена!

И посадилъ ее съ собою рядомъ.

И заиграли трубы, забили барабаны и полилось вино рѣкою. Всѣ стали ихъ поздравлять и желать имъ счастья и вѣселья, и сами веселились до утра.

А Царевичъ съ женою стали жить, да поживать, да добра наживать.

(по А. Н. Афанасьеву).

ШАРАДА № 9.

Есть государства и державы,
Есть націй много и столицъ
И всюду встрѣтите меня вы:—
Меня поютъ мильоны лицъ.
И если цѣлое возьмете,
То тамъ на стѣнкѣ вы найдете
Второй его-же части видъ.
Онъ въ рѣдкой школѣ не виситъ.
Слогъ первый мой поютъ и въ цѣломъ,
А цѣлыхъ—много во второй,
Вторыхъ-же на всѣмъ свѣтѣ бѣломъ
Всего одна и нѣтъ другой.
Совсѣмъ проста шарада эта
И такъ легко ее рѣшить!
И ждемъ мы вашего отвѣта,
Чтобъ ваше имя помѣстить.

ЗАДАЧА № 5.

Даны четыре слова: икра,
рига,
торгъ,
Марія.

Переставить въ каждомъ изъ нихъ буквы такъ, чтобы получилось:

Изъ перваго—рѣчныя животныя,
Изъ втораго—то, что очень любятъ дѣти.

Изъ третьяго—пещера.

Изъ четвертаго—войско.

При этомъ начальныя буквы этихъ новыхъ словъ должны составить собою названіе русскаго большого города.

ГОЛОВОЛОМКА.

Какіе металлы находятся въ слѣдующихъ фразахъ:

1) Отъ лѣтняго тепла тина стала горячей.

2) Около воды растетъ камышъ.

3) За воровъ гнались, но онъ уже лѣзь около канавы и спрятался въ нее.

4) Смотрите: все ребро мамонта покрыто плѣсенью!

5) Отъ удачнаго роста льна зависятъ цѣна и качество полотна.

6) У кита во рту тьма длинныхъ пластинокъ, которыя принято называть китовымъ усомъ.

АРИОМОГРАФЪ № 4.

Слово повернуто задомъ напередъ и состоитъ изъ десяти буквъ 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. Буквы 9. 8. 4. 6. 10. 1 означаютъ базарь, 7. 3. 9. 1—маслянистое вещество, 10. 6. 5. 9. 3. 2. 1—принадлежность передней, 5. 3. 4. 6—напитокъ, 2. 9. 3. 10. 1—повышеніе голоса, 10. 4. 3. 7. 4. 3. 2. 1—любителя книгъ, 9. 8. 7. 3. 2. 1—названіе гриба, 4. 6. 7. 1—инструментъ, необходимый въ домашнемъ быту. 4. 8. 9. 6. 2. 1—водяную птицу.

Найти всѣ эти слова и задуманное слово, которое означаетъ ягодный кустарникъ.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ эти шараду, задачу, головоломку и ариомографъ, будутъ напечатаны).

РѢШЕНИЕ ШАРАДЫ № 7.

Вино + градъ = Виноградъ.

РѢШЕНИЕ РЕБУСА № 4.

Кольцо въ п + рожъ + ива + лъ + въ + воронъ + ежъ + ѣ = Кольцовъ проживаль въ Воронежѣ.

Шараду вѣрно рѣшили: Юлій Трофимовъ, Шура Пронина, Юля Пяткова въ Харьковѣ, Володя Новиковъ въ С.-Петербургѣ, Петя Казикій въ Окнѣ, Коля Романовскій^а въ Выборгѣ, К. Н. Ивановъ, Толя Шмидтъ въ Ямбургѣ, Наташа Изергина въ Усть-Двинскѣ, Олетъ Добровольская въ Спб., Гриша Годикъ, Рафаилъ Гринбергъ въ Бобринцѣ.

Ребусъ вѣрно рѣшили: Валя Покровская въ Задонскѣ, Коля Григорьевъ въ Кологривѣ, Боря Максимовъ, Нюша Синякова въ Спб., Миша Колбасевъ въ Гатчинѣ, Маруся и Тася Бли-

новы, Сережа Коммиссаровъ въ Спб., Ольга Фейгина въ Одессѣ, Ирена Блокъ въ Армавирѣ, Юля Пяткова въ Харьковѣ, Соня Толстая-Christchurch, Hants, England, Нина Ханыкова въ Сергачѣ, Сережа Плакса-Ждановичъ въ Красноярскѣ, Леля и Шурикъ Никольскіе въ Спб., Лиза Молчанова въ Читѣ.

Ребусъ и шараду вѣрно рѣшили: Зоя и Пава Царенко въ Алупкѣ, Коля Даниловъ въ Саратовѣ, Юра Држевецкій въ Полтавѣ, Шета Мякишева въ Севастополѣ, Валя Гавриловъ въ Спб., Георгій Теръ-Григоріанецъ въ Спб., Милочка Чеботарева, Люля Иванова въ Варшавѣ, Юрикъ Гершгеймеръ на ст. Новая Баварія, Жоржикъ Новицкій въ Севастополѣ, Соня Чеканова въ Харьковѣ, Котя и Катя Николаевы въ Харьковѣ, Беби Файнцимеръ въ Екатеринославѣ, Олечка и Галочка Баженовы въ Харьковѣ, Сергій Копытько въ Екатеринославѣ, Анна Хвостова въ Вологдѣ, Надя Золотарева въ Острѣ, Таня Полозова въ Радомѣ, Маруся Бальцеръ въ Москвѣ, Исаакъ Чернеръ въ Миргородѣ, Нина Якимова, Аня и Лиза Журавскіе въ Кіевѣ, Андриуша Федотовъ—донской казачокъ, Боря Гельцеръ въ Кіевѣ, Миша Ефремовъ въ Сумахъ, Надя Паняфутина въ Н.-Новгородѣ, Таня и Оля Беръ во Владимірѣ, Евгенія Хорватъ въ Люцинѣ, Шура Кудряева въ Спб., Ната Дитяткина въ Ст.-Русскѣ, Ксенія Слезскинская въ Новгородѣ, Аня Тихомирова въ Спб., Наташа Бѣлоножкина въ Спб., Таня и Веня Голубъ въ Спб., Нюта Хлѣбникова въ Спб., Ваня Петропавловскій на ст. Серебрянка, Юля Пшеницкая, Настя и Лена Костины, Аня Лина въ Ржевѣ, Коля Джемелей въ Москвѣ, Надя Бобовская въ Нахичевани на Дону, Петя Мойсеенко въ Харьковѣ, Е. Жолобова въ Вильнѣ, Вова и Толя Ягодини въ Омскѣ, К. Ротманъ въ Армавирѣ, Катя Вильчковская въ Спб., Леля и Галя Дыховы въ Сызрани, Сережа Цуриковъ въ Орлѣ, Леля Борисоглѣбская въ Усть-Сысольскѣ.

Ребусъ № 3 правильно рѣшила: Маруся Ооменко—с. Безопасное.

РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ СОСѢДЯМИ:

— Помилуйте, ваши пѣтухи перелетѣли ко мнѣ черезъ заборъ и склевали всѣ мои цвѣты!.. Это ни на что не похоже!

— Наоборотъ, сосѣдь... Вотъ если-бы ваши цвѣты перелетѣли ко мнѣ черезъ заборъ и склевали моихъ пѣтуховъ, тогда это дѣйствительно было-бы ни на что не похоже. А теперь чего-же вы обижаетесь?